

INSPIRIA

ЗВЕРО КСЕНИЯ БУРЖСКАЯ БОМ

INSPIRIA

Ксения Буржская

Зверобой

Серия «Loft. Современный роман. В моменте»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67227297
Зверобой / Ксения Буржская: Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-165686-7

Аннотация

Абьюз или страсть? Сможете ли вы сделать правильный выбор?

Герои Ксении Буржской – дети своего жестокого века, отчаянных 90-х: позднее взросление, выбор между чувством и долгом, мучительный поиск себя в отражениях чужих ожиданий. Зависимость, неуверенность, утрата. И снова длинная дорога в едва различимой надежде на счастье.

Марьяна и Ян пытаются создать семью на обломках собственных иллюзий, ошибок прошлого и случайно вспыхнувшей страсти, которая гаснет так же быстро, как и вечерние фонари – утром каждого нового дня, когда за углом уже обязательно ждет кто-нибудь третий.

Второй роман молодой писательницы Ксении Буржской, отмеченной премией НОС и множеством публикаций в авторитетных СМИ.

Содержание

1. Марьяна	6
2. Имаго	14
3. Ольга	23
4. Демьян	30
5. Подруги	38
6. Ожидания	44
7. Отец	48
8. Драмеди	53
9. Перемотка	58
10. Наизнанку	64
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Ксения Буржская Зверобой

Моему отцу

*Гнать, дышать, смотреть и видеть, держать,
слышать, ненавидеть, и зависеть, и вертеть, и
обидеть, и терпеть.*

***Список исключений из правила о глаголах I спряжения
русского языка***

1. Марьяна

Потом наступило утро. Марьяна проснулась дома, и дом этот был ее. Все в нем было ее: изрешеченные солнцем шторы, рассохшиеся обои, скол на антикварном комоде. Шаги отца – так, по крайней мере, запомнилось – тихие, гулкие, звон ложки в огромной чашке. Пыльные книги – стоит провести пальцем по корешкам, и они станут серыми. Прошлогодний тополиный пух на этажерке, покрытые плесенью научные журналы, расправилки, пинцеты, булавки, распятые бабочки – все, кроме алкиноя, черного парусника; на пожелтевшем снимке, маленькая и загорелая, она сама держит его на раскрытой ладони. Жуки покорно спят под стеклом – и не они одни теперь здесь мертвы.

Мама Марьяны называла отца зверобоем, спрашивала: «Тебе что, больше делать нечего? Сколько ж можно?» – «Все люди зверобои, – отвечал он. – Если подумать». – «Ну вот и подумай, – говорила мама. – Вот и подумай».

Марьяна встала на табуретку, дотянулась до верхней полки, стянула потрескавшиеся коробки. Облако пыли взвилось над ней и легко осело – пришлось ладонью закрыть глаза, даже голова закружилась. На некоторых коробках сохранились завивающиеся кверху наклейки с именем отца, местом и датой – когда и где были пойманы экземпляры. На иных –

Марьянино имя – детским выцветшим фломастером. В них в основном простейшие: комар, майский жук, бабочка-капустница, погибшая совершенно случайно и зря, – Марьяна хотела поймать ее, чтобы поближе рассмотреть, но не рассчитала и слишком сильно придавила ногой. Плакала долго. Отец успокаивал, говорил, что всей жизни-то у этой белянки в запасе на двадцать дней, и, возможно, девятнадцать из них она уже прожила, но Марьяна была безутешна: всего двадцать дней, а она и этого ей не оставила.

...Вдох – выдох. Где-то внутри – как на американских горках: из самого горла куда-то в живот – ухнуло, тяжело провалилось желание. Скомканные простыни. Спина, плечо и родинка на лопатке, сбившееся одеяло, теплый след на бедре. Марьяна протянула руку, чтобы коснуться, но испугалась почему-то и не смогла. Ей хотелось спросить, действует ли вчерашняя акция, но прервать сон она не решалась.

Как интересно вальсирует жизнь – едешь прямо, все время вываливаясь в мутное прошлое, никуда вроде бы не сворачивая, и вдруг заминка, остановка, подножка, и вот ты уже не чужой, а мой, не мимо прошел, а сел рядом или, наоборот, исчез, и ничего уже не случится.

Небо всю ночь било в набат. Это удивительное московское свойство, Марьяна от него в восторге: дождь может течь всю

ночь, заходиться в ливне, биться в стекла почти истерически, исступленно, а утром – дороги сухие. Несколько маленьких картографических бесформенных луж в проталинах асфальта, и всё. Будто и не было. А ночью – *ты же помнишь совершенно ясно* – дождь был, и так тревожно спалось под его топот.

Что бы вам об этом ни рассказывали, дождь в Москве – это напрочь мокрая ирга, которую можно есть, упершись в подоконник разбитыми коленками в зеленке. Так помнит Марьяна. Дождь в Москве – это бурлящие канавы, через которые перепрыгиваешь, поднимая фонтаны мокрого песка, иногда промахиваясь и падая. Дождь в Москве – это лужи с пузырями, день рождения мальчика (забыла имя), который живет в доме напротив, запах акации по глинистому размытому двору, книжки с картинками, пограничник на посту в горке красного дерева, балерина из фарфора с отбитой ногой в голубой пачке – не сигарет. Дождь в Москве – это радио, шипящее, как шампанское, длинные, как змеи, гладиолусы, мокрые ноги в сандалиях, яблоня – совершенно дикая, бесплодная, посаженная отцом для Марьяны. «Будете расти вместе», – сказал он, но яблоня вместе не захотела.

Отец за столом читает книги, огромные пласты знаний продавливают старое дачное кресло с проеденной кем-то обивкой, ножки – изогнутые, низенькие, полны рваных ран

от мышинных зубов. Отец пишет диссертацию, ходит в лес и возится там с сачком на болотах – это наука, вечером ездит на рынок с коробкой зубной пасты – это бизнес. Мама собирает смородину и варит варенье в тазу. Марьяне разрешают съесть пенку, пенка кислая и сладкая одновременно, и Марьяна боится, что ей в рот залетит пчела. Но отец говорит, что пчелы умные – настолько, что умеют показывать друг другу дорогу, как будто внутри у них есть встроенный компас. Есть ли им дело до ее рта?

Вечером родители играют в бридж с соседями. «Марьянка, расскажи стихотворение», – просит Алламихална, соседка слева. Осенью Марьяна возьмет у нее астры в газетном кульке, чтобы идти в первый класс. «Ахматову», – подсказывает мама. Марьяна ужасно ленивая лентяйка, и нет ей никаких оправданий, вот соседская Анька знает наизусть и Пушкина, и Чуковского, и – вы подумайте – даже Хармса, а Марьяна выучила только одно стихотворение и жует его, будто колеса застряли в густой колее. «Мурка не ходи там сыч на подушке вышит мурка серый не мурлыч дедушка услышит тихо не горит свеча и скребутся мыши я боюсь того сыча для чего он вышит», – монотонно декламирует Марьяна, раскачиваясь в разные стороны, как пьяница – она видела такого у гастронома, – а мухи налипают на сладкую ленту, свисающую с потолка. Стыд какой, какая скука, надо сбежать во двор.

Марьяна маленькая и не хочет учиться. Цифры ненавистные, буквы гадкие, выйдите вон из беседки, Марьяна хочет прыгать в кусты и давить крапиву, хочет, чтобы пришел соседский мальчик (забыла имя – жаль) и сыграл с ней в поезд. Они пойдут наверх по извилистой шаткой лестнице, из которой на каждом шагу сыплется вниз сухое истлевшее время, и придвинут к окну кособокую тумбочку без ноги. Мальчик без имени ляжет на кровать прямо под ветку ели, в последнем жесте протянувшую свою пожелтевшую, осунувшуюся руку, и Марьяна провозгласит: «Следующая станция – Бологое».

Смена декораций, и мальчик без имени (ну пусть будет Юра? Пусть.) – проводник, он спросит, где же Марьянин билет, и она протянет ему лист клена, на котором еще капли не высохли.

Смена декораций, и Марьяна – машинист. Она высовывается в узкое окно и кричит кустам сирени: «Переводите стрелки, я на первом, я на юг!» Ей нравится чай в железных подстаканниках, а Юре (или Диме? Черт, теперь будет мучиться) – кладовка, в которой много всяких фотографий, порой страшных, как, например, незнакомец в гробу, вазы с отбитыми ручками, циферблаты остывших часов и куча иного хлама. Марьяна вздыхает и идет зубрить неправильные английские глаголы. Лето впереди – бесконечное, как железно-

дорожные пути, жизнь впереди – вообще без конца и края.

Вдруг вспомнила, как все начиналось здесь, в этом городе. Никого еще даже не было. А вот папа был. Однажды Марьяна приехала сюда не гостем – жителем. Вошла в дом с кем-то в сердце, с длинной острой иглой в голове, которая колола ее всякий раз, когда кого-то с ней не было. Всегда то есть. Вошла с чемоданом, с сумкой – красной, длинной, во весь ее рост, сказала отцу, что она ненадолго, что это временно, что ей бы только взять одну крепость. Но поход затянулся, она заблудилась, дорога ушла не туда.

Однажды Марьяна пришла домой с одного из свиданий зареванная и решившая никогда никого больше не любить. Она была полна кем-то другим настолько, насколько ей позволяли ее размеры – от края до края. И было очевидно, что это плохая идея: так заполнять себя кем-то, но вычеркнуть тоже нельзя – только вместе с собой. Отец понимающе кивнул, сделал ей чай и пошел смотреть документалку про медоносных пчел. (Марьяна запомнила: говорили, что самые страстные любовные отношения – между пчелами и цветами, и она еще подумала: «Господи, что за бред!») А потом лежала на полу и плакала. На этом вот полу. Паркет елкой-палкой.

И вот сегодня ты здесь. Ты здесь?

Проснувшись, Марьяна очень тихо выбралась из-под одеяла, ноги узнали прохладный добротный пол – говорят, в 20-х годах прошлого века в этом доме жила одна властная женщина: не то начальница, не то жена наркома. Она распорядилась, чтобы в доме сменили полы – с казенных на дорогой паркет. Хватило на сотню лет: *спасибо, мадам*. Пол заскрипел, провожая Марьяну на кухню, но в спальне по-прежнему было тихо.

По пути открыла кладовку, и чугуном навалилась тоска. Санки, на которых отец возил ее зимой – ржавые, погнутые, с облупившейся синей краской, лыжи «Салют», на которых они однажды выехали в лес с его коллегами – кажется, только один раз это и было, стоило ли их покупать, – будильник с гравировкой «Время – деньги», открытка к какому-то Новому году, пачка рисунков: звери на кораблях, плывущие в неизвестные страны, тонкие тетради с заглавием «Жизнь насекомых», записка, исполненная неуверенной детской рукой синим фломастером: «Папа, извени, что не сказала спасибо».

Извини, что не сказала спасибо. Извини, что мы вообще почти не разговаривали. Извини, что не успели проститься. И что этот дом мне тоже не сохранить.

В спальне зазвенел будильник.
Время – деньги.

Ну и что будет дальше?

Марьяна живо представила – что.

Проснешься и скажешь: мне на работу пора.

Спрошу: завтракать будешь?

Ты скажешь: по пути что-то перехвачу, не переживай.

Да и что тут еще говорить?

Завтра у меня самолет. Нет смысла тянуть с прощанием.

Это всё – одно сплошное прощание. Такая вот цель визита.

Ты будешь долго искать ключи от машины в бездонной сумке. Они будут звенеть, но не найдутся.

Потом найдешь.

Наверное, в этот раз стоит сказать спасибо?

Спасибо за эту ночь, скажу я, как в кино или плохом бульварном романе.

О чем ты говоришь, скажешь ты и поцелуешь меня в висок. Потом сжались и поцелуешь в губы.

Как будто и не было ничего.

Или наоборот – вот и все, что было.

2. Имаго

По вторникам Марьяна ходит к психотерапевту. Ну как ходит? Они созваниваются в зуме, включают режим «конференция», и выглядит так, будто рядом сидят. При этом Марьяна сидит на лестнице дома. Или в саду. Или на набережной. Или в кафе. Или – как сейчас – в машине. Машина никуда не едет. Она припаркована на лужайке возле дома, и Марьяна использует ее как офис. Чтобы спуститься и сесть в машину, она даже не стала одеваться – на ней домашние шорты и майка, сверху толстовка Демьяна с логотипом университета, на ногах – резиновые сапоги.

Психотерапевт выглядит куда лучше. Она вообще очень красивая, но Марьяна уже не в том возрасте, чтобы влюбиться в собственного психотерапевта. Насколько Марьяна может доверять экрану, сегодня на ней пурпурная блузка и тяжелые серьги, она налила себе кофе в многоразовый стакан с цветочками и спрашивает:

– Что нового?

Марьяна отвлекается на собаку, которая задирает ногу возле колеса ее передвижного и недвижимого офиса, и пытается взглядом выцепить среди деревьев ее хозяйку – соседку с пятого этажа. Наконец она видит, как та выходит из-за платана, зажав телефон между ухом и плечом, подзывает со-

баку и примирительно машет ей, широко улыбаясь. Марьяна улыбается в ответ.

– Как с сексом? – продолжает психотерапевт, как будто заполняет анкету.

– Два раза было, – признается Марьяна, хотя признаваться в этом неловко.

– Кто был инициатором?

– Я, наверное. – Марьяна кивает соседке – та как раз взяла собаку на руки и уносит в другую часть парковки: пусть сыт на автомобилях, в которых никто не сидит.

– Умер мой отец, – говорит она, все еще улыбаясь соседке.

– Господи, – вздыхает Валерия – психотерапевта, кстати, зовут Валерия. – Примите мои соболезнования. Как вы?

Марьяне хочется заплакать, но она крепко держит себя в руках. Валерия, как и все остальные, должна быть уверена только в одном: она очень сильная.

– Нормально, – говорит Марьяна. – Хотя бывало и лучше.

– Вы были близки?

– Были, не были, – отвечает Марьяна, раздражаясь. – Какая разница? Он был моим отцом. Другого у меня не будет.

– Расскажите о нем, – говорит Валерия, когда Марьяна достает из бардачка припрятанную пачку сигарет и закуривает.

– Ян ненавидит, когда я курю, – сообщает она в камеру телефона. – Говорит, что сначала у меня отвалятся волосы, потом зубы. А еще такой: что за пример ты подаешь детям! Будто дети никогда не узнали бы, что люди курят, если бы

не я. Мы живем в стране, где курит каждый второй, если не первый.

– Вы имеете право делать все, что хотите. Вы взрослая, – мягко напоминает Валерия.

Имаго. Заключительная стадия развития особи. Так сказал бы отец.

– С чего начать? – спрашивает Марьяна.

– Начните сначала, – говорит Валерия и тоже закуривает. – Как вы общались в детстве?

Марьяне нравится, что Валерия курит. Так они похожи на сообщниц. Она сразу вспомнила, как однажды курила на даче у Ольги. В доме, как всегда, были и муж, и сын, но та увела Марьяну за руку на веранду и протянула пачку. Они сидели бок о бок на каком-то бревне – эта часть дома еще была в ремонте, – и Марьяна вместе с дымом вдыхала теплый запах сосновых досок и духов, смешанный с летним потом. Мутные от дыма и пыльные от огородных работ – Марьяна помогала Ольге пересаживать розы, – они походили на пару из «Американской готики», не хватало только вил.

«Как у вас с Демьяном?» – спросила Ольга. «Все отлично, – пожалала плечами Марьяна. – Передумали расходиться». «Это правильно, – сказала Ольга. – Не нужно делать резких движений». Марьяна смотрела на Ольгу и думала, что сейчас

совершенно естественным было бы поцеловать ее. Но вместо этого, как всегда, не делала резких движений – никаких.

Валерия постучала в экран, как будто в окошко ларька. Марьяна кивнула.

– В детстве мы с отцом часто ездили за город наблюдать за насекомыми. Он был ученым, энтомологом. Иногда мы попадали на длинные перерывы между автобусами. Тогда нам приходилось стоять на шоссе и ждать попутку. Я маялась от скуки и жары, а он учил меня различать марки проезжающих машин. Типа: это «Фольксваген», это «Опель».

– А какая у вас машина?

– У меня?

– Ну вы же, кажется, в машине?

– А. У меня «Рено». «Рено» – говно.

Валерия рассмеялась в экран, и Марьяна тоже. Это очень кстати, потому что она точно не хотела бы плакать при ней.

– Продолжайте.

– «Это “Жигули”, – говорил он. – У нее, видишь, лодочка на значке».

Они стояли у кромки проезжей части и всматривались в поток. У папы машины не было. Но изучать их было интересно. И фантазировать: какую бы она хотела? Если б можно было выбирать.

«А это «Мерседес». Его назвали в честь дочери автокон-

структора. Ее звали Мерседес».

Маленькой Марьяна думала: было бы здорово, чтобы и в мою честь что-нибудь назвали – звезду или хотя бы машину. Но это вряд ли. Папа у нее обычный энтомолог и мог назвать в ее честь только жука или гусеницу, но вместо этого он и ее не называл по имени.

Папа называл ее Рысью. Иногда еще рифмовал: «Рысь, брысь!» – когда нужно было исчезнуть: не слушать взрослые разговоры или не мешать читать. Или не крутиться на кухне, когда он готовил плов – единственное блюдо, которое его в детстве научила готовить бабка и которое он потом всю жизнь исполнял. Затаскивал на плиту тяжелую, как бетонная клумба, сковородку и сыпал туда с разделочной доски морковь, лук, мясо, всякие специи. Интересным был тот момент, когда отдельное становилось целым.

Отец и Марьяна целым никогда не были – точнее, были в детстве, когда стояли у кромки проезжей части или под деревьями в парке, ожидая, когда расцепится пара стрекоз, а потом как-то разминулись. Так же отец разминулся и с мамой. Слишком они были разные, не совпадали ни в чем – и даже странно было, как вообще сошлись.

На старте ее детства был у них с папой один ритуал: ран-

ним летом, когда по утрам еще холодно, а ночью поют соловьи, они вставали в шесть утра, садились в электричку и ехали на Воронью гору, небольшой пригорок, полностью белый от только что распустившихся ландышей. Ландыши занесены в Красную книгу, знала Марьяна от папы, поэтому срывать их нельзя, можно только нюхать да есть пирожки, запивая теплым чаем из термоса.

Отец увлекался Красной книгой, изучал исчезающих насекомых, специализировался на них. Марьяна спрашивала: «Откуда ты знаешь, что они исчезают? Ты что, пересчитываешь их каждый год?» А он смеялся. «Да, – отвечал он, – пересчитываю. – Потом поднимал с земли очередного муравья: – Вот, смотри, это одна тысяча восемьсот сорок первый».

Марьяна верила.

– Смотри, Рысь, – говорил отец, направляя объектив «Зенита» на озеро, которое замерло под горой. – Там лебедь.

И Марьяна, перегнувшись через линию горизонта, нависала над лебедем, как господь над грешниками.

Зимой они ходили в парк – смотреть на снегирей и сов. Эти тоже сидели на ветках, как на страницах Красной книги, раскачивались и не улетали.

Все в жизни отца было исчезающим: насекомые, птицы, время и любовь.

Тогда Марьяна не знала, что так – в жизни каждого. Для

тех, кто нас любит, мы и есть Красная книга. Единственно важный исчезающий вид.

В Питер они переехали из-за мамы, давным-давно, уже и не вспомнить зачем – будто всегда она мечтала жить в очаге культуры: театры, музеи, мосты. Московское детство Марьяна помнила смутно: только тот дом и дождь, часы над кукольным театром, телебашня, застывшая в ноябрьской мороси. Когда ей было двенадцать, отец вернулся в Москву. Ему предложили должность в научном институте. Марьяна не грустила, ездила к нему на зимние и летние каникулы, ничего не теряла – только приобрела.

Отец продолжал жить как жил: ездил в экспедиции, работал в институте и совершенно не замечал, как изменилась жизнь. Марьяна выросла, он стал казаться ей несовременным, странным и одичавшим, без остатка помешанным на своих жуках, он не слышал, не слушал и не понимал ее, а у нее не было времени объяснять. Так она приезжала все реже и реже, отдалялась и отдалялась от него, пока не превратилась в случайную точку на карте.

Поэтому такой странной всем показалась эта идея: переехать к нему в Москву. Марьяне было тогда уже двадцать с чем-то, и она, конечно, хотела просто поселиться где-нибудь по соседству, но папа сказал: да что ты, у меня же академи-

ческая квартира, три комнаты, приезжай и живи, я целыми днями на работе. Она и подумала: «Ладно».

Вспомнила, как однажды они с отцом играли в походе в игру.

Это что-то вроде «крокодила», но угадывать было не нужно, смысл в том, чтобы на мгновение стать кем-то другим. Отец говорил: «Давай, как будто мы жуки-скарабей и толкаем к пропасти шарики из навоза». И они медленно шли на корточках, выставив перед собой руки, хотя у скарабея это были бы ноги. И от слова «навоз» Марьяне хотелось смеяться. «Давай, как будто мы зайцы и водим хоровод», – кричала Марьяна, и они прыгали вокруг пня, приделав себе уши из лопухов. «Давай, как будто мы мотыльки и бьемся лбом об стекло». «Давай, как будто мы лиса и гонимся за колобком». «Давай, как будто мы шелкопряды и лежим себе куколками». «Давай, как будто мы махаоны, и нас пытаются поймать в сачок».

Давай, как будто бы мы играем во что-то, и каждому хочется выиграть, потому что за этим следует какой-то приз.

Давай, как будто я лошадь и жду удара шпорами в бок.

Давай, как будто я стою одна, совсем одна, на огромной сцене и жду: вот тяжелый занавес упадет, рухнет, поднимая клубы серой деревянной пыли, и зал взорвется аплодисмен-

тами.

Давай, как будто зима, снег выпал и ждет, когда кто-нибудь рано утром пройдет по нему, как по небу.

Давай, как будто я платформа и жду поезда.

Давай, как будто я жду тебя посреди огромного поля, заросшего люпином и люцерной – все сплошь фиолетовое, даже больно глазам, – и ветер свистит сквозь солнечное сито, а я стою и хочу только одного, чтобы меня любили.

– Когда вы вылетаете в Москву? – спрашивает Валерия.

– Завтра вечером.

– Ян поедет с вами?

– Только этого не хватало.

3. Ольга

Шагнула через порог – сразу с лестницы не стала, примета плохая, – обняла Ольгу. Гладила по спине – долго, упираясь лбом ей в плечо, как молодой, упрямый бычок, хотелось тянуть это мгновение как можно дольше, но ведь на жизнь не нагладишься.

– Марьяш, – сказала Ольга откуда-то из тумана. – Ты меня сейчас задушишь.

– Ну и? – хмыкнула Марьяна ей в волосы. – Убью тебя и заберу себе как трофей.

Отстранилась, чтобы посмеяться. Вроде как не всерьез. Хотя в любой шутке... *вы знаете.*

В детстве Марьяна часто была свидетелем: чтобы сохранить или перевезти насекомое, его следовало убить. Жуков и мух отец-зверобой кидал в морилку с этилацетатом. Мелких бабочек придавливал, крупным – шприцем вкалывал в грудь нашатырь.

Она всегда отворачивалась.

– Я на минуту, – виновато сказала Марьяна. – По делам тут.

– Раздевайся! – кивнула Ольга в сторону вешалки. – Поешь со мной, я как раз только с обедом закончила.

Марьяна представила, как они заходят вдвоем в номер

отеля, и Ольга идет в душ, а потом выходит – в махровом, допустим, халате. Как она развязывает пояс на этом халате, и там – обнаруживает теплую, пахнущую мылом кожу. Голова закружилась, Марьяна даже села на обитый кожей топчан.

– Ну и где ты там? – из-за угла выглянула Ольга, одетая в штаны и толстовку, которые обычно рекламируют парой: «Уютный костюм из футера». – Остынет же.

Прошли на кухню и сели рядом, касаясь под столом коленями. Суп в Марьяниной тарелке испускал свекольный дух. «Суп остынет, а я нет», – подумала она и сказала:

– Знаешь, я решила в Москву переехать. Мне работу предложили, – и сразу, чтобы Ольге не пришлось задавать этот неловкий вопрос, чтобы не подумала, что она едет к ней, хотя так это, безусловно, и было, добавила: – У отца пока поживу.

Деланой, слишком поспешной показалась в голосе легкость, небрежность, доведенная до абсурда.

Ольга улыбнулась. Не испугалась – уже хорошо.

– Я рада за тебя, Марьяша, это здорово. Чаше видаться будем! А что за работа?

– Газета одна, чуть позже скажу, когда оффер придет. Я сегодня как раз на собеседовании была, в общем.

– Отлично, и как прошло?

– Да как-то прошло. Оль, я спросить хотела: ты мне город покажешь?

О свидании договорились. Такой был у Марьяны расчет: приеду, будем гулять, общих друзей заведем, постепенно сблизимся. Будем чаще встречаться – она сама так сказала. Ну должно ведь это куда-то сдвинуться? Должно? Черт возьми, ведь пять лет уже все это тянется: Марьяна к Ольге, Ольга от нее, но и отойти далеко не дает – только она начнет с кем-то сблизаться, тут же выныривает: Марьяна, привет, как дела, приезжай.

Так вот приехала. Теперь мучайся. Сдавайся. Стань моей.

– А с отцом-то удобно будет жить? Вы вроде не особо общаетесь.

– Ну, как бы там ни было, он мой отец. Надо ж когда-то начинать.

Так и начали.

Когда появилась Ольга? Давно: они познакомились в Питере, Марьяне было девятнадцать. Глупое сочетание молодости и смелости – и в этом всё. Ольгу привели в редакцию однажды утром, сказали, что она приехала из Москвы и будет с ними полгода – помогать, консультировать по вопросам развития, учить молодых журналистов. Марьяна была как раз из таких – их свели в одной комнате. Ольга ходила, забивая невидимые сваи в пол, а у Марьяны уши закладывало от кра-

соты.

Только представьте: стоит она, в узком и скользком платье, на высоченных каблуках, водит длинными пальцами по воздуху, рвет его на грубые куски. Говорит – как хурма вяжет, яркие глаза – обведены черным, и особенно – режут губы. Поцеловать такие губы – потерять равновесие, пальцы немеют, ноги не сгибаются, колени служат только падениям. Впрочем, откуда Марьяне знать? Она еще ни разу не целовала женщину – девчонки, с которыми она пила в клубе коктейли «секс на пляже» или «голубая лагуна», – не в счет.

На корпоративе Ольга танцевала с юными мальчиками, смеялась от того, как те краснели, отпускала злые шуточки. Марьяна теснилась рядом, смотрела исподлобья, старалась поближе подойти, чтобы вдруг заговорить. В мечтах ее Ольга ложилась спиной на офисный стол и закидывала ей ноги на плечи – вместе с каблуками и, допустим, чулками – в том, что под платьем у Ольги именно чулки, Марьяна почему-то была совершенно уверена.

В реальности Ольга не слишком-то ее замечала. И к тому же была прочно замужем. «Я уже десять лет в браке, – говорила Ольга, если кто-то сомневался в ее профессиональной смелости. – Не пугайте ежа голой жопой».

Все лучшие задания уходили парням, а Марьяну она по-

сылала смотреть кино и писать об этом.

– Дай мне наконец что-нибудь боевое! – набравшись смелости, попросила она.

– Буду думать, – ответила Ольга, смерив ее недоверчивым взглядом.

На следующий день появилась в редакции, размахивая своими крыльями – было на ней что-то такое надето, фасон – бэтмен. *Вечерница необыкновенная.*

– Мне нужна девушка с татуировкой кошки, – бросила Ольга в опенспейс, и Марьяна поняла, что та даже имени ее не знает.

Подошла на полусогнутых, сказала:

– Это не кошка, а рысь. А я Марьяна, – и руку протянула: *бери.*

Ольга взяла. Рука была крепкой и холодной.

– Не кошка, а рысь. Серьезно! Вот что, Марьяша... – и в этой сладенькой, домашней «Марьяше» слилась вся невозможная нежность и вся тоска по любви – Марьяна поняла, что нет и не будет у нее больше жизни, другой, без Ольги. – Ты просила, и я нашла для тебя кое-что.

Ты просила – и я пришла.

Марьяна мучилась, но молчала долго. Все полгода, пока Ольга работала с ними. Стеснялась, краснела, постоянно получала по башке, но молчала. Как сказать-то? А потом про-

рвало. Ольга уже уезжала, устроили проводы – рабочую разухабистую вечеринку. Марьяна выпила два стакана, виски там был или водка – совершенно не отложилось в памяти, потом поймала Ольгу – в туалете, где та – не ошиблась! – поправляла чулки. Упала перед ней на колени и сказала:

– Ольга, не уезжай, пожалуйста. – Вышло театрально.

– Это почему? – спросила та не удивившись.

– Потому что я без тебя не смогу.

– Сможешь, – спокойно сказала Ольга.

– Потому что я тебя люблю.

– Поднимайся, Марьяша, – произнесла Ольга так, будто не было в этом признании ничего нового, и улыбнулась хитро. – А ты знаешь, кстати, что это нарушение корпоративной этики? – И подошла так близко-близко. Ресницы дрожали. – Что тебя уволить за это могут?

– Знаю, – сказала Марьяна с вызовом. – И что?

– Какая ты смелая, – воскликнула Ольга. – Не кошка, а рысь!

И засмеялась, запрокинув свою лебединую, блядь, шею.

– Ох, ладно. – Ольга придирчиво осмотрела себя в зеркало – все ли в порядке с макияжем. – Мне на поезд пора. И лучше бы тебе влюбиться в кого-то другого.

Марьяна стояла в дверях, насупившись, как ребенок, ко-

тому конфету не дали после обеда, вот-вот польются слезы.

Ольга подошла и коротко прижалась щекой к ее щеке, не как человек – как кошка.

Не кошка, а рысь, то есть – теперь-то и прояснилось, кто настоящая рысь.

У Марьяны кровь закипела где-то в районе лба, как будто она висит вниз головой над пропастью.

В конце концов Ольга толкнула дверь, и они вывалились в коридор, поломав конструкцию.

– Пока! – крикнула Ольга не оборачиваясь и ушла, высоко подняв идеальную правую руку.

А ночью эсэмэс прислала – уже из поезда: «В следующий раз поцелуй меня нормально».

4. Демьян

Сначала долго стоял под душем, ждал, когда прояснится. Вода щипала глаза, щекотала уши, пальцы скоро стали совсем сморщенными – «бабки-ежки», как их в детстве называла мать, – а ясность не наступала, все вокруг было таким же мрачным, бессмысленным, обременительным. Он мечтал о легкости, о том, чтобы отпустило, чтобы вот это ощущение: как будто кто-то большой разжал кулак, выпустил его, маленького, и легкие распустились. Так всегда случалось, когда самолет прыгал шасси на полосу: сели, ну все, можно расслабиться. Или когда он, влюбленный, послал эсэмэс, а она ответила.

Демьян. Это его имя. Имя красивое, сам не очень, ну, в смысле, обычный: рост средний, глаза серые, волосы выются. Надоело их в жару под кепку запихивать, сходил вчера и побрился. К тому же слышал где-то, что новые волосы – новая жизнь. Вот теперь ждал.

Марьяну он как-то сразу заметил. Увидел в бассейне: она наматывала круги в блестящем фиолетовом купальнике. Кролем до стенки напротив, как гладкий тюлень, почти не двигаясь, не делая лишних движений: проскользнет, резкий взмах хвостом, ногами об стенку – бац и в обратном направлении. Демьян так и замер. Встал у бортика посередине, что-

бы лучше видеть оба конца бассейна, двадцать минут только головой крутил из стороны в сторону, как рефери. Замерз. Марьяна на него и не посмотрела. Неделью спустя встретил ее еще раз, на этот раз в бассейновой кафешке. Удивился, что сразу узнал, и тогда решился.

– Хотите соку? – спросил.

– Хочу, – просто сказала она и плюхнулась в кресло.

Он принес сок, удивился, что не отшила, упал в кресло напротив, оно его сразу же засосало.

– Давно сюда ходите? – подал голос со дна.

– Не так уж.

Что еще спросить? Мучился, аж голова разболелась.

– А вы давно?

Спасала ситуацию. Он мысленно поблагодарил ее. Сказал:

– Давно.

Разговор не клеился. Но ему все равно было радостно: смотреть на нее, сидеть с ней, и уже печалился, что вот еще пять минут, и сок закончится, и день закончится, и год закончится, словом, все закончится. И она уйдет.

Она и ушла.

Но номер телефона оставила. Сжалилась.

Он еще подумал, записывая, как чудесно складывается: Демьян – Марьяна.

Письменно у него всегда получалось лучше. Поэтому он написал: «Хоть я и привык вас видеть в купальнике, буду рад увидеть в платье». Стер. Что еще за «буду рад»? И вообще,

к чему тут купальник? Подумает еще, что извращенец.

Попробовал снова: «Не могу забыть ваши русалочьи движения, поэтому...» «Что за бред? – спросил он сам себя. – Какая пошлятина!» – сам себе ответил и написал просто: «Пойдемте завтра на “Тоску” в Большой?» И отправил. Сразу же. Пристрелил – не мучился.

А телефон сразу же перевернул лицом в пол и сел. Сейчас делами займется, потом невзначай телефон перевернет, а там ответ.

Как же!

Каждые пятнадцать секунд вертел телефон в руках, швырял его, подносил к глазам, звук включал и снова выключал. Так и прошли два часа.

Ответа не было.

Не было его и вечером. Может, на работе? Может, за рулем? Может, в бассейне?

Лежит под водой, накрывшись русалочьим своим хвостом, а над ней курсируют грузовые киты.

Может, не любит «Тоску»? Может, была уже? Может, не понравился он ей, такой не совсем красивый, в смысле обычный, к тому же не очень богатый – это же сразу видно, как он не подумал. Что, согласись она, ему, простому преподавателю университета – два года после аспирантуры, – даже просто не в чем идти. А контрамарки ему всегда давал друг детства, музыкант оркестра.

Демьян хотел от отчаяния пойти в бар и напиться, но мысль о том, что, может быть, его телефон отключили за неуплату, отвлекла. Он позвонил оператору, узнал, что деньги все еще есть и ответить ему точно можно – можно, если захотеть. Позвонил лучшему другу Денису, попросил денег на буфет. Денис обещал. Позвонил товарищу из оркестра Анатолию, попросил костюм. Анатолий рассмеялся, представив Демьяна в своем костюме первого скрипача, но так и быть – дал.

Демьян вообще-то не знал, зачем все это делает, ведь ответа не было, но он ждал и был готов стартовать в любую секунду.

На следующий день утром он первым делом заехал к Анатолию на репетицию и забрал костюм. Анатолий строго-настрого запретил Демьяну делать в этом костюме то, что не следует. Под этим подразумевались поход в ресторан, в бар, на дискотеку и в бассейн.

– И не жри в нем, – коротко пробасил он.

Странно, конечно, что с таким голосом он был всего лишь скрипкой, хоть и первой.

После Анатолия Демьян поехал на Сокол к Денису. Денис лежал на диване в позе Данаи и стрелял в кого-то в широком экране перед собой. На столе валялись объедки пиццы и банки из-под пива.

– Жри, – весело разрешил Денис.

Демьян не отказался, потом еще немного посидел возле

канувшего в виртуальную реальность друга, взял пару мятых купюр и пошел в бассейн.

Хлорка приятно пахла, вода обнимала, несла его к берегам еще не названной земли. Он закрывал глаза, загадывал, что вот сейчас откроет, а перед ним ее фиолетовый купальник. А в купальнике она – Марьяна – прыгает в воду, не оставляя брызг. Выныривает, улыбается, плюется, как морж.

Так засмотрелся, что въехал носом в бортик, напугал какую-то толстую тетку, она стояла, никого не трогала, делала свою подводную аэробику.

Отряхнулся.

Короткими прыжками добежал до раздевалки, ключом все не мог попасть в вертящую скважину, дрожал от нетерпения, ведь она же ответила почти наверняка.

Но нет, не ответила.

Пробиралась, тихонько окрепнув, печальная злость.

«Ну и пусть, – думал он. – Ну и ладно. Тоже мне, звезда. Русалка, блин. Да любая была бы счастлива. Любая. Только вот на черта мне любая?»

А день уже ковылял, старея, к прохладной черте.

В три он твердо решил, что позвонит.

Зачем ждать ответа, если можно просто набрать ее номер? И спросить прямо: да или нет?

Снова помок под душем, будто он рыба. Почувствовал себя сильным, окончательно живым, осмелевшим. Надел ко-

стюм Анатолия, а трусы свои – простые черные боксеры с вышитым маленьким крабиком в правом углу. Глупость, конечно, но миленько. Белая рубашка сначала казалась прохладной, потом перестал замечать. Брюки надел, подчинился их странному крою. Пиджак отложил. Ботинки немного жали. Но не кеды же надевать под все это?

Готов? Сам себя спросил и ответил: готов.

Волосы еще оставались немного влажными. По пути до-сохнут – плевать.

А теперь – минутку.

Пальцем на номер – раз. Слышит, как кровь ползет по венам, шумя и врезаясь в стенки. Громкая машина жизни, но гудки – громче.

– Але?

– Марьяна.

– Это кто?

– Ой! Извини, пожалуйста. Я думал, ты записала. Я сообщение вчера отправлял. Это Демьян. Ну помнишь, бассейн еще.

– А-а.

– Так вот. Я там писал, что... Ну, в общем, у меня есть билеты на «Тоску» сегодня, может, ты хотела бы пойти? Могла бы ты?

– Куда билеты?

– В Большой.

– Хм. Ну-у.

– Если ты можешь, конечно, извини, что так резко, но я вчера отправлял, и...

– Да ладно, вроде я свободна, почему нет?

– Правда? Ты знаешь, я тогда тебя буду ждать у выхода из метро «Театральная». К восемнадцати если... К восемнадцати успеешь?

– О'кей. А как я тебя узнаю?

– А... А ты не помнишь? Ну, я буду в костюме. То есть белая рубашка, черные брюки. И ботинки. Тоже черные.

– Ладно.

Он клял свою обычную внешность, но почему-то был счастлив: она не сказала «да», но он уже сделал шаг. Такой маленький шажок для человечества, но сто девяносто тысяч километров для него.

На улице было пасмурно и немного душно. Рубашка казалась бесформенной простыней. Больше всего боялся испачкать брюки, поэтому шел по пыльной тропе к метро, высоко задирая ноги.

До «Театральной» доехал быстро, сорок минут еще ждать.

Отвлекая себя, читал афиши на билетной кассе и объявления на стене. Изучал лица преступников, которых ищут. Высматривал в толпе русалочий хвост или рыбу чешую. Время бежало быстро. Он пробрался поближе к улице, чтобы дышать. Воздух тревожно сжался.

Восемнадцать ноль-ноль, восемнадцать десять, восемна-

дцать – дальше.

«Не пришла?» – спросил он сам себя, как будто не веря.

Вдруг загремело в небе, разорвало его на неровные куски и пошло водой. Асфальт мгновенно стал черным, полился рекой, отражая в своих потоках верхушки города. Демьян всмотрелся в эту холодную бурю, увидел себя – глупо стоящего под короткой крышей в дурацкой одежде. Телефон разрядился, желудок просил поесть, затекшие от ожидания, сухие, шершавые руки наполнились жизнью. Демьян повертел головой и нашел пакет с надписью «Перекресток», в нем лежали пустые бутылки и вчерашняя газета. Демьян постоял еще немного среди людей: бабушек с хрупкими зонтиками и цветочек, растерянных женщин в летних красивых платьях, серьезных мужчин с дорогими часами, пыльных рабочих в оранжевых жилетах. Потом снял ботинки, брюки, рубашку, аккуратно сложил все это в пакет, свернул его в белый плотный кулек и, зажав под мышкой, вышел из-под навеса.

5. Подруги

Домой пришел мокрый и снова грязный. Пакет весь заляпан серыми брызгами луж. Хорошо, что догадался снять костюм, пофиг, что пришлось ходить по городу в трусах, если не присматриваться, они как плавки. Пару раз к нему подходили полицейские, и он объяснял, что концертный костюм пришлось снять, иначе потом не расплатится. Те понимающе кивали, отпускали, незлобно смеясь.

Когда пришел домой, поставил телефон на зарядку, и тут же квакнуло: Марьяна.

Извинялась за внезапно возникшую проблему с подругой. «Ничего, – написал Демьян, совершенно счастливый. – Подруги – это важно».

Написала Демьяну поздно, но лучше уж так. Пообещала, что сходят куда-нибудь потом.

Не пришла, конечно, потому, что по пути ее подрезала Ольга – вызвала в ресторан. «Пужинаешь со мной?» – И Марьяна уже бежит к ней со всех ног, как спринтер на дистанции. Когда же она научится отвечать «нет»?

– Хорошо выглядишь, – говорит Ольга, когда они с Марьяной садятся на летней веранде. Марьяна – в слишком нарядном платье по случаю воображаемого похода в Большой.

– Я из-за тебя, между прочим, в оперу не пошла, – говорит Марьяна, выбирая в меню коктейль покрепче.

– Да что ты! – ухмыляется Ольга. – И кто позвал?

– Парень один, – говорит Марьяна, наблюдая из-за меню за реакцией. – Симпатичный.

– Ну-ну, – говорит Ольга. – Так почему же ты здесь? Неужели я более симпатичная?

– Ты слишком симпатичная, я бы сказала. От твоей симпатичности у меня даже пульс час-тит.

– Мило, – говорит Ольга. – Люблю твои метафоры. А мы, кажется, с мужем разводимся.

– Ух ты! – говорит Марьяна.

И не знает – радоваться или нет.

– Потому что я влюбилась, – продолжает Ольга и смотрит на Марьяну так хитро, глаза – как у узбечки.

– В кого? – спрашивает Марьяна, а сама аж дышать перестала: *неужели это сейчас случится?*

– Слушай, это ужасно глупо и неправильно, – смеется Ольга. – В лучшего друга моего мужа. Представляешь?

Две пули – и обе в спине Марьяны.

Ты же мне не подруга (разве можно желать подругу?). Зачем ты так со мной?

– Ничего себе, – только и говорит она. И идет в туалет, вытереть свои сопли.

Ноги Ольги сегодня завершают светлые туфли, а брюки узкие, черные, натянутые, как упаковка под вакуумом. Она спрашивает, что значат те слова, которые ее новый любовник сказал в ответ на ее письмо.

– Ты что, пишешь ему письма?

– Мы переписываемся уже четыре дня.

«О’кей, ты молчала четыре дня, молчала и чуть не взорвалась, и вот пришла ко мне, потому что знаешь, что я все выслушаю и пойму, потому что я тот единственный человек... Словом, здорово же, что она приходит ко мне, когда ей плохо, когда хорошо, когда страшно – она приходит ко мне. Она приходит ко мне, она приходит за мной. Надо это запомнить», – думает Марьяна, спасаясь от неизбежного грохота разбитых надежд.

– Я написала ему сегодня, послушай: «Привет, дорогой! Какая прекрасная стала погода».

Она читает, и эти слова ранят Марьяну изнутри, словно крючок, который она заглотила.

– А он ответил: «Погоду такую ненавижу». Это что он имел в виду?

Марьяна думает (со злостью и даже почти с удовольствием) – он ответил: мне просто не до тебя.

Перевести с русского на русский?

Произнося тысячу слов, люди, в сущности, пытаются сказать только три из них. Или четыре – кому как повезет. Какие уж тут любви в такие погоды?

Но говорит Марьяна другое.

– Иногда люди имеют в виду ровно то, что пишут. Не все любят дождь.

Ольга показывает ей фото. Марьяна так и знала: в нем нет ничего привлекательного, да что там, он просто урод.

– Как тебе? – спрашивает Ольга. – Почему-то люблю таких.

Люблю такого его – хочет сказать она – и всех остальных, повторяющих его запахом, формой.

Когда мы обобщаем, мы чаще всего имеем в виду одного человека.

– Когда он впервые поцеловал меня, – говорит Ольга, и Марьяна чувствует кожей холодную сталь хирургического ножа, – от него пахло базиликом. И еще у него были такие неожиданно холодные губы, он затянул меня в этот поцелуй, как в болото, и не отпускал несколько секунд. Очень твердый и страстный поцелуй. Утвердительный: да, сказал он. Да, я хочу, чтобы ты стала моей. Я разрешаю тебе стать моей. У меня не было сил возразить. И еще этот запах. До сих пор вздрагиваю, когда его слышу.

И она снова смеется. Хотя ничего смешного.

– Помоги мне написать ему письмо, – просит Ольга. – Твои эти метафоры сейчас очень пригодятся.

Что ж, в индийских фильмах всегда есть красавец, поющий серенады, и урод, сочиняющий их.

Все в порядке, мы просто играем роли.

Марьяна идет в туалет – который уж раз за сегодняшний вечер – и пишет Демьяну: «Слушай, а может, все же увидимся сегодня?» Понятия не имеет, зачем это делает. Просто хочется не быть раненой собакой, а чувствовать власть. Он тут же отзывается: «Конечно. Приду, куда скажешь».

Они расстаются с Ольгой у перекрестка. Марьяне – налево, Ольге – направо. Марьяна вспоминает про Демьяна и думает, что он Щен. Как Маяковский. «Я, конечно, не Лиличка, – думает Марьяна, – но тоже чего-то стою». Она позволяет ему приехать и забрать ее из дома. Папа радостно пожал Щену руку и, очевидно, обрадовался, что это мужчина. Если было бы можно, он сразу выдал бы ее замуж, прямо на пороге их общего дома. Даже коллекцию редких жуков не пожалел бы в качестве приданого.

Щен ведет Марьяну выпить, а она все думает о том, что

Ольга сейчас пишет очередное письмо своему любовнику. *С моими, блядь, метафорами.* Щен легонько касается ее руки, отвлекая от затяжных мыслей, а она берет его руку и кладет себе на бедро.

Мы квиты, Оленька.

Но почему от этого не становится легче?

Марьяна делает с Щеном селфи, выкладывает его, а потом они едут на такси к нему домой. Ольга лайкнула и написала: «Будь осторожна».

Надо же, какая забота.

Потом Марьяна, как в кино, набрасывается на Щена сразу в прихожей, а тот неловко моргает.

Власть начинается здесь.

Щен поднимает Марьяну и прижимает к стене так, чтобы ей было удобно обхватить его бедра ногами.

– Мара, – гулко шепчет он ей куда-то в шею. – Мара.

Как извращенка, Марьяна смотрит на все это со стороны и думает: как красиво, черт возьми.

И еще одно: жаль, что Ольга этого не видит. Чертовски жаль.

6. Ожидания

Ольга лежит на кушетке, забросив ноги на боковину. Узкие ботильоны из красной кожи контрастируют с черной клеенкой. Когда купила эту кушетку, в редакции только ленивый не пошутил про кресло психоаналитика и костюм медсестры. Но ей понравилось. Кушетка была волнообразная, в стальной оправе, почти как от Корбюзье, но не его, конечно. Тот бы обошелся в четыре тысячи евро, а это – дешевка, подделка какой-то турецкой марки. Но черт бы с ним. Ольга обставляла свой кабинет с любовью. Над кушеткой повесила репродукцию Мондриана. Ей нравилось лежать и смотреть на эти разноцветные квадраты. Все в ее жизни, если подумать, было фейком, палью, эрзацем, но умение выглядеть дорого текло у нее в крови.

В юности Ольга была бесстрашной. Днем работала в редакции, ночью вела бухгалтерию мужа, переводила рубли в доллары, раскладывала их по банкам. Когда у журналов появились иностранные инвестиции, начала ездить в заграничные командировки, привозила оттуда модные тряпки, реализовывала через закрытые показы втридорога.

Потом родился Веня, и она не провела в декрете ни дня. Шла на работу с нянькой – седой, замотанной в пуховой платок бабкой, и та торчала с коляской под окнами. Между совещаниями и сдачей номера просовывала Веню в дверную

щель – покормить, Ольга хватала, шла в туалет, сбивала на бок край блузки, кормила. Потом относила обратно – свежий воздух полезен младенцу, даже если мороз. Хотела второго ребенка, но муж ее спрашивал: зачем? Тебя и этот-то знает только как редактора. Но Ольга не сдавалась. Втихую прекратила принимать противозачаточные, оно и произошло. На маленьком сроке, когда еще ничего не было заметно, решила быстро стогнуть в пресс-тур. Муж еще ни о чем не знал. Решила, придет – расскажет, он соскучится, воспримет новость проще.

Ночью в отеле проснулась от боли и духоты. Жара стояла невыносимая. Вышла, согнувшись, на балкон под аплодисменты сверчков. Страшно было ужасно, хотела перенести рейс и улететь завтра же. Пока меняла билеты трясущимися руками в ноутбуке, на свет которого слетелись все ночные бабочки, стало понятно, что это уже неважно, спастись не удастся.

На всей территории отеля стояла сверкающая тишина. Луна освещала баскетбольное кольцо во дворе и бассейн – в его жестяном круге. Большая птица, гаркнув, взметнулась над крышей. «Пошла прочь, птица Гамаюн, – прошептала Ольга. – Ты не должна была выбрать меня». И вернулась в номер. Там долго плакала, свернувшись в углу широченной постели, рассчитанной на троих.

Годы спустя Марьяна рассказала ей, что некоторых насекомых ловят на свет – растягивают простыню между дере-

вьями, а над ней зажигают лампу. На простыню слетаются жуки, бабочки и мошки и те, что нужны, и все остальные полчища. «Это похоже на театр теней, – сказала Марьяна. – Лежишь в палатке и видишь сквозь щель, как по простыне пляшут души». Еще Марьяна сказала, что ученые до сих пор не поняли, почему насекомым нравится свет. «Всем свойственно вылезать из тьмы», – заметила Ольга.

...Врач в Москве объяснила, что так бывает и что если она все-таки хочет, то надо поторопиться: возраст. Ольга не понимала, о каком возрасте идет речь – сейчас ведь это вообще не имеет значения.

Потом как-то все полетело быстрее: назначили главным редактором, включили в совет директоров, затем возглавила весь издательский дом. Веня рос со своими проблемами – тихий, замкнутый, постоянно играл в компьютерные игры. Она перманентно испытывала чувство вины за то, что почти не проводит с ним время, про второго уже и не думала: с первым бы разобраться. Потом зима, командировка в Питер на полгода, с мужем все окончательно развалилось, она уезжала с легким сердцем – лучше так, чем сидеть в одной квартире и ненавидеть друг друга. В командировочном Питере сошлась почему-то с личным водителем, какое-то время было хорошо, даже подумала грешным делом: не забеременеть ли. Не то чтобы хотелось провести с ним жизнь – про это и думать стыдно в ее положении, а просто – чтобы снова было ради

чего. Но водитель был хитрым, молодым и проблем себе не хотел, а искал свободы.

Под конец этой эпопеи – выматывающей, если подумать, раз в две недели на выходные моталась в Москву, побыть с Веней, посидеть молча с мужем в ресторане – каждый в своем ноутбуке, – на нее свалилась Марьяна, но у Ольги уже не было сил.

Вернувшись в Москву, она прокручивала снова и снова в голове эти полгода, пыталась понять, как, в какой момент это произошло и как она не увидела, что в ее коллективе ЧП, если так можно выразиться о любви.

А еще постоянно спрашивала себя: нравится ей это или нет? И не могла ответить.

Пока разбиралась, начали крепко общаться, вошло в привычку. И когда Марьяна через два года возникла у нее на пороге, Ольга не удивилась.

7. Отец

Марьяна с отцом осторожно подходят к озеру, долго ищут место, где бы уронить тяжелые рюкзаки, разложить все, что необходимо для завтрака, поставить палатку – место нужно поровнее, посуше. Отец расстилает плед, аккуратно – стекло к стеклу, лопасть к лопасти – раскладывает ватные брусочки, морилки, лопатки и колбочки. Он сверяется с температурой воздуха и его влажностью. Он говорит: «Вовремя пришли».

Хорошо.

Марьяна не знает, почему это вовремя. Чтобы прийти сюда вовремя, пришлось встать в шесть утра – то еще удовольствие. С неба сквозь деревья рассыпается солнце, и только что кандалами звеневшие комары куда-то прячутся.

По воде свой недолгий срок отмеряет водомерка, тревожит гладь совсем трепетно – расходятся едва заметные круги.

Отец говорит: «Давай поедим?»

Они садятся на плед и едят бутерброды, запивают квасом, оставляют немного на дне сладкого – пригодится, чтобы ловить.

Марьяна нетерпеливо ждет, когда отец достанет ловушки, когда они будут их вкапывать в землю, когда ловкие, проворные жуки начнут туда скатываться и безуспешно пытаться вылезти, тогда они будут совершенно безопасны, и можно

беззастенчиво их рассмотреть.

Марьяна достает лупу и наводит на одуванчик:

– Я слышала, что из них можно варить варенье. Как думаешь? Мне Светка рассказывала, у нее бабка варит.

– Возможно, – задумчиво отзывается отец.

– Давай тоже сварим, – предлагает Марьяна. – Я соберу и сварим на костре.

Отец смеется и качает головой. Это непонятно: ни да, ни нет.

Но Марьяна уже сама остыла к одуванчикам, переключилась на божью коровку. Вот уж единственное, что можно держать в руках без презрения.

– Красивая, правда? – спрашивает Марьяна, кружа божью коровку на ладони. – Как думаешь, у нее закружится голова?

– Это вряд ли, – говорит отец, расставляя штативы.

– Смотри, – вскрикивает Марьяна, – она мне на руку наслала!

– Марьяна, не говори «наслала»! – Отец смеется. – И не наслала вовсе, это гемолимфа. Кровь.

– В смысле кровь – я же ее не убивала.

– Божьи коровки выделяют кровь, если чувствуют опасность.

– Ссы в глаза – божья роса, – говорит Марьяна.

– Господи, откуда ты все это знаешь, – удивляется отец.

– Это мама так сказала, когда с подругами обсуждала Двоскина.

Двоскин – мамин начальник. Как Марьяна поняла, все, кто у него работает, хотят ему только зла. «Когда уже свалит этот Двоскин». «Двоскин этот – отменное дерьмо». «Двоскин только и делает, что врёт – ссы в глаза...»

Отец пожимает плечами:

– Ну, Рысь, не все надо повторять, что слышишь.

– А им больно? – спрашивает Марьяна.

– Кому?

– Коровкам. Когда они плюются кровью?

– Не больно. Природа так задумала, что это не больно.

Марьяна спускается вниз к реке, там, под влажным песком, копошатся муравьи с крыльями.

Они неприятные. Марьяна подносит к ним лупу и тут же отводит – нечего там смотреть. Муравьи – они и в Африке муравьи.

– Пап, когда мы поедem в Африку?

Отец смеется и, щурясь, смотрит сквозь солнце.

– А зачем нам Африка? Скоро поедem на север. И давай палатку расставлять.

Они вынимают и ставят палатку: сначала тент, потом колышки, потом пенка и спальные мешки. Все как полагается – на ближайшие три дня это их дом.

Тут из чащи выходит дядя Семен. Высокий, крепкий, с ежовой бородой, он весь как дубовый ствол. Дядя Семен хлопает руку отца, Марьяне даже кажется, что она может от этого треснуть, треплет Марьяну по рыжим, скомканным в

хвост волосам, но она уворачивается и тоже протягивает руку – *я не маленькая*. Рука у дяди Семена шершавая, как вчерашняя газета, и желтая от табака. Он никогда не вынимает изо рта беломорину, сплюсненную в углу обветренных губ.

– Ну чего, граждане, – спрашивает дядя Семен, снимая дождевик и свитер. – Загораете?

Отец улыбается:

– А мы, Сень, варенье из одуванчиков придумали варить.

– Дело хорошее, – усмехается Семен углом рта, переваливая папиросу на другую сторону. – Под коньяк отлично будет. Да, принцесса?

Марьяна фыркает – все эти разговоры обыкновенно скучны.

Она бежит к озеру и находит у кромки седой одуванчик. Аккуратно срывает его под корень и поднимает вверх. Сквозь зонтики семян она смотрит на солнце, которое через мгновение заполняет глаза невидимым белым песком. Дует на круглый шар, и он осколками разлетается по воде. Отец и дядя Семен увлеченно спорят о чем-то, склонившись над стеклянной коробкой.

Тогда Марьяна берет стебель от одуванчика, сжимает его губами – крепко, так, что от млечного сока во рту начинает горчить, и она уже сомневается, что варенье – такая уж хорошая идея. Потом берется за стебель двумя пальцами – большим и указательным, как часто делает дядя Семен, выдыхает невидимый дым и говорит в звенящее вокруг нее простран-

СТВО:

– Ну что, граждане, не выпить ли нам по рюмашке за Жана нашего Фабра?

8. Драмеди

Через три месяца жизни в Москве отправились с Ольгой в театр. Марьяна билеты купила и тут же к ней: у меня есть лишний билетик. Смотря что считать лишним, конечно. Ольга с радостью согласилась, так и сказала: с радостью. В антракте пошли пить шампанское.

– Хорошо, что ты мне позвонила, – сказала Ольга. – У меня как раз вакансия открылась. Не хочешь попробовать?

В эту минуту Марьяна уже работала на нее – бесплатно и навсегда. Но для проформы поинтересовалась:

– А почему именно я?

– Ну как почему, – улыбнулась Ольга. – Я в тебя верю. Ты же моя золотая рыбка.

И взлохматила ей волосы на затылке, отчего по позвоночнику у Марьяны ток пробежал от макушки до копчика.

Чтобы жить мне в окияне-море, служить тебе и быть у тебя на посылках.

Так и случилось.

Днем Ольга командовала и властвовала, давала ей задания и ругала, как всех, даже, может быть, немного больше – «потому что с тобой я могу быть честнее», – а вечером они садились в такси и ехали в ресторан. Сидели на летних веран-

дах с запотевшими бокалами, Ольга хохотала, прижималась к Марьяне плечом, заглядывала в глаза и спрашивала:

– Ну расскажи, расскажи, о чем ты сейчас думаешь?

Так ей нравилось, что Марьяна ищет приличный ответ и не находит, хоть ты тресни.

В рабочем пространстве их отношения казались дружескими – никто бы и не подумал, что что-то не так, и прежде всего, конечно, Ольга, но Марьяна чувствовала, что их заносит обеих.

Что обе они повязаны, стало ясно довольно быстро, только справлялись с этим они по-разному. Ольга строила жизнь: муж, любовник, карьера. Марьяна свою отдала течению: лежала, зажмурившись и вцепившись в Ольгу, чтобы не пропустить момент, когда она к ней наконец развернется. Но Ольга не торопилась и, не торопясь, тащила Марьяну за собой по кочкам, позволяя ей цеплять по пути, что прицепится. Марьяна оказалась ловкой, умелой и быстрой: даже так, совершенно не пытаясь ничего добиться, добивалась всего.

Ольга любовалась. Марьяна плакала от отчаяния.

Марьяна знала, что это не просто любовь и ориентир – скорее, двигатель, что, останься она без Ольги, забуксует, подвиснет программа, совсем не останется сил.

А что станет с Ольгой, если исчезнет Марьяна? Она не знала, как ответить на этот вопрос – не спрашивать же? Про-

верить не хотелось.

Никто и не проверял.

Ольга иногда уставала, пропадала на несколько дней, как проваливалась в кроличью нору, не отвечала на звонки, и Марьяна лежала на полу, не в силах поднять головы. В уши ей стекали слезы, остывающие по пути, и она даже не могла пошевелить рукой, чтобы стереть пелену и увидеть лепнину. Потом проявлялась злость. Как вторая стадия отрицания и последняя – перед падением вниз.

В злости Марьяна взрывалась внезапной энергией и жаждой деятельности, будто организм нашел последние силы, опустошил все ресурсы, бросил все мощности в одну только топку – жаркой всепоглощающей мести. В ней Марьяна сворачивала карьерные горы, до боли в коленях драила квартиру отца, покупала красивые платья, заводила короткие, но пылкие романы. Обычно, не доводя до второго обреченного свидания, появлялась Ольга. Царственно взмахивала рукой, приближаясь, писала что-то незначашее: привет, как дела, пойдем ужинать, и Марьяна сворачивала свой бушующий цирк и вновь становилась собой – верной подругой, прозрачной бабочкой, летящей на лампу, бесчувственно сияющую над простыней.

Демьян – короткий, но пылкий роман в пятидневку зло-

сти – ты должен был просто исчезнуть с первым сообщением от Ольги. Когда она остановила Марьяну снова на полпути, вернула заблудившуюся звезду на свою орбиту, вытащила ее из оперы, из постели, из завтрака, ужина и твоей мечты – ты должен был сразу это понять, но любовь ослепила тебя.

А Марьяну к Ольге – даже отколовшуюся и вывезенную за пределы страны – всегда будет тянуть, как Луну к Земле. Хорошо быть зависимым – никаких мук выбора.

Что ты со мной сделала?

Для чего я нужна тебе?

Столько лет прошло, я взрослая тетка, которая сбежала от тебя на край Земли, у меня муж и дети, а я все жду твоего одобрения.

Шаг сделаю и сразу: а что Ольга подумает?

А Ольга обо мне не думает вообще.

Валерия считает, что Ольга нужна Марьяне, как героин: нельзя слезть чуть-чуть, понимаете? На полшишечки так. Нужно совсем, окончательно, без вариантов.

– Просыпаетесь, – объясняет Валерия, – и сразу же берите лист и пишите – пишите Ольге. Через полчаса снова. Через полчаса снова. Через полчаса снова. И так неделю, без перерыва. Пока тошнить не начнет. А вы как думали? У вас серьезная зависимость.

– Неделя такой жизни, и я с ума сойду, – говорит Марьяна.

– Ой, – удивляется Валерия, – а вы разве не уже?

И они смеются.

«Все же она очень хороша, – думает Марьяна после сеанса. – Жаль, что я в нее не влюбилась».

9. Перемотка

Марьяна крепко зажмуривается, потом открывает глаза и смотрит на полосы от проезжающих по улице машин. Они медленно плывут к полке с книгами, а после тают, ломаются об острый угол, как льдины.

В щель под дверью дымом тянется мягкий свет – скорее всего, из кухни. Оттуда же слышны голоса – приглушенные и монотонные, чтобы не разобрать. Но Марьяна превращается в слух. Она рысью крадется к двери, прикладывает к стене стакан – донышком к уху, вслушивается, представляя себя охотником за привидениями, черепашкой ниндзя, пионером-героем в сумрачном лесу, полном врагов.

– Наверное, так будет лучше, – вздыхает мать.

– Кому? – спрашивает отец.

– Тебе, Марьяне... – Мать делает вид, что спокойна, но Марьяна слышит, как она раздражена.

– Давай отложим это решение. – Отец громко прихлебывает чай из своей огромной кружки.

– Не нужно тянуть время, – отрезает мать. – Так только хуже.

Потом они какое-то время молчат, у Марьяны глаза уже привыкли к темноте и различают самые мелкие предметы: жвачки, жестянки из-под лимонада – эти поблескивают боками, коробку от туфель, в которой лежат горой бегемоты,

пингвины, слоны и динозавры, все еще пахнущие шоколадом, свои и выменянные у кого-то в школе, и она точно помнит, что ей не хватает для коллекции бегемота в костюме моряка. Об этом нужно срочно сказать родителям, пока она помнит.

На кухне пахнет кофе и жидкостью для мытья посуды, мама стоит спиной, в раковину льется вода.

– Ма-а-ам, – зовет Марьяна, прячась за холодильник.

– Ты чего еще не спишь? – удивляется отец. – Марш в кровать, рысь!

– Мама, ты купишь мне завтра киндер? – спрашивает Марьяна, выглядывая из-за холодильничьего бока.

– Папа же сказал тебе, – отвечает мама не оборачиваясь. – В кровать.

– Ну купишь?

– Нет, – отрезает мать. В мойку с грохотом летит кастрюля. – Сколько раз повторить?

– Не ори, пожалуйста, – просит отец.

– Знаешь что, праведник, – начинает наступление мать, и Марьяна видит, что она плакала. – Давай ты сам будешь иногда заниматься воспитанием дочери, а не только ловить своих червяков? Ты сейчас свалишь, а мне всё это.

Она кивает в сторону Марьяны, особо опасного и проблемного – «всё это» – элемента. И та спасается бегством – восемнадцать шагов до кровати, а там – укрой меня, реченька, своим бережком – с головой в одеяло.

Потом заходит отец. Молча сидит на краю кровати, вздыхает и уходит. Марьяна снова лежит и смотрит, как исчезают в заламах стен несмелые отголоски фар.

В какой-то другой жизни, почти невероятной из той, случайно вырванной точки детства, Валерия спросит ее:

– Вы знаете, почему отец уехал в Москву?

А Марьяна ответит:

– Решили, что так будет лучше.

– Кому?

– Маме и мне.

– А вам стало лучше?

– Не знаю. Тогда, может, лучше было отцу?

– Интересно, что вы спрашиваете об этом меня.

– Да, было бы неплохо, если бы вы умели гадать на картах.

Видеть ответы в волшебном зеркальце. Читать чужие мысли.

Марьяна рассмеется, и Валерия тоже.

– Но я ничего этого не умею, – скажет Валерия.

– И за что я вам только плачу.

Марьяна не помнила, как изменилась жизнь: стало ли лучше или хуже, что вообще тогда произошло, как будто эти события просто стерлись, затерялись где-то среди других. И между тем воскресным утром, когда отец подвел ее к окну, чтобы посмотреть, как за ночь выпал первый ноябрьский снег, и тем первым днем весенних каникул, когда она прие-

хала к нему на ночном поезде и они сразу же поехали смотреть подснежники в Парк Горького, – провал, черная дыра, зимняя беспросветная мгла.

Потом все покатилося в обычном своем режиме. Школа, кружок рисования, первые сигареты за кораблем напротив – они подходили с одноклассницей к ларьку, протягивали мятую бумажку: «LM синий, штука», три быстрые затяжки на морозе, щерясь, оглядываясь, дрожа в расстегнутых куртках. Черные ботинки: круглые или квадратные носы? – никак не выбрать, что круче, так что придется иметь обе пары и по утрам выбирать. Круглые достались от подруги, квадратные купил на Горбушке отец. Там же покупал ей диски, она ему оставляла список, уезжая: «Агата Кристи», «Трибьют Кино», «Земфира», «Сплин», «Мумий Троль», конечно, «Наутилус Помпилиус», «Ляпис Трубецкой», Летов и Янка, «Би-2» и внезапно: «Гости из будущего».

– А видеокассеты какие-нибудь взять? – спрашивал он, когда в ночи дозванивался ей по вечно занятому мамой телефону. Длинная трель, она узнавала сразу: межгород.

– Надо, – соглашалась она. – «Не грози Южному централу, попивая сок у себя в квартале».

– Что? Повтори еще раз!

– Еще «Титаник».

Но чаще брал фильмы в видеопрокате, когда она приезжала. Они вместе спускались вниз, проходили сквозь двор и

упирались в сияющий универсам, завешанный рекламными вывесками и новогодней мишурой. От входа в подвал шла петляющая лесенка, а там – в подвале – расцветала империя заграничного кино.

Женщина – статная, весомая, крупно накрашенная и одетая сплошь в цветы, похожая на хозяйку борделя, поправляла очки и спрашивала:

– Ну, что подсказать?

Марьяну влекло к психологическим триллерам, ужасам, дерзким семейным драмам, отца – к романтическим комедиям, научным документалкам, фильмам с хорошим концом. Брали и то и другое. Женщина довольно выкладывала все на стойку ровной стопочкой. С корешков в лицо Марьяне смотрели странные названия, напечатанные на машинке или написанные черным маркером: «Криминальное чтиво», «Один дома», «День сурка», «Такси», «Рэмбо», «Маска», «Пятый элемент», «Мосты округа Мэдисон», «Английский пациент», «Красотка», «Звездные войны».

Загружали в видик, брали чипсы с колой, отец постоянно отключался: то рылся в каких-то бумагах, то ставил чайник, то засыпал. Потом вдруг врывался в самый неподходящий момент:

– А это кто? А это где они? А как они тут оказались?

Марьяну это страшно бесило.

Но все равно – досматривали вместе.

Потом она засыпала. Шла в свою дальнюю комнату и там забывала все, оказываясь то на тонущем корабле, то в деревянном разрушенном доме, то в космосе, то в пустыне. Сны накатывали океаном и забирали ее с собой.

10. Наизнанку

Тысячу лет и тысячу фильмов спустя Марьяна с друзьями сидит в ресторане в центре Москвы, прямо напротив Кремля. Там почему-то дешево, или им так кажется. В общем, они сидят, пьют ром-колу из жестяного ведра (оригинальная подача: мало алкоголя, мало колы, много льда и частокол из трубочек), и американец Тайлер – породистый, с дорогим профилем, как в фильме про реальную любовь или из рекламы трусов с широкой резинкой – говорит:

– Я влюбился в него на мессе. Увидел и понял: это он. В то время я часто посещал церковь.

Все смеются: Марьяна, ее лучшая подруга Юля, Демьян, Анатолий, еще кто-то. Тайлер приехал к Демьяну в универ по обмену опытом, он молод и красив, у Юли на него планы.

– И я долго думал, как ему сказать, как признаться, – неспешно продолжает Тайлер. – И решил вложить записку в его Библию.

Все смеются. И тянут через трубочки.

– Я так и сделал. Написал, что он мне нравится, добавил свой имейл и сунул в Святое Писание – куда-то между пес-

нями восьмой и девятой. В субботу утром он придет, откроет – и все узнает.

Краем глаза Марьяна замечает, как Юля подсаживается все ближе, а Тайлер – отодвигается.

– Я так боялся его реакции, что сбежал. Мне стыдно, но я уехал. – Тайлер виновато улыбается, а все смеются. – Каникулы были, и я улетел куда-то, не помню, на море. И у меня там не было интернета, точнее, я очень хотел, чтобы у меня его не было – желательно никогда. Так что ящик я проверил только недели через две. Открываю почту, а там его письмо. О, фак!

Марьяна думает о том, что Ольга снова не пришла – никогда не приходит. Она не любит ее друзей, не любит рестораны у Кремля, Кремль – тем более и Марьяну – вряд ли. Поэтому она обижена на Ольгу – что это, блин, за дружба такая, но злится почему-то на Яна.

Тайлер тем временем рассказывает:

– И вот мы договариваемся о встрече – сходить вместе пообедать. Я ужасно волнуюсь. Выбираю одежду полчаса, парфюм; щетину – оставить или сбрить? Мучаюсь. Это сложно: парень, которого я совсем не знаю, которого все время видел только в профиль. Короче, прихожу и вижу его. Но с какой-то женщиной, немолодой. Я решил, мама. Ничего себе, думаю.

Марьяна пишет смс: Дорогая! Или нет: Ольга! Или даже: Любовь моя!

Все это не подходит.

В итоге пишет без всякого обращения. Просто: «Тут такие истории рассказывает Тайлер (ты его не знаешь), очень смешные (ты бы слышала), придешь?»

Ольга отвечает: «Нет».

Марьяна думает, что она с любовником. *Ненавижу такие неопределенные вечера.*

– Оказалось, в общем, что это его жена, – продолжает Тайлер. – Они познакомились, когда ему было одиннадцать лет. Она сначала учила его немецкому, а потом они поженились – сразу, как ему исполнилось восемнадцать. И весь этот обед они трогали друг друга и целовались. Это было ужасно! Я практически сбежал оттуда. А через неделю он вдруг мне позвонил.

Тайлер делает рукой движение, как конференсье, чтобы зрители ждали и не расходились, сдирает свой аляповатый галстук в ромбик и отправляется танцующей походкой в туалет. Официантка пользуется антрактом и подсовывает новое ведро с трубочками.

Марьяна пишет Ольге: «Знаешь, вот каждый раз...» Не то. Пишет снова: «Неужели трудно?» Опять не то. Пишет:

«А что ты делаешь?» Ну уж нет. Пишет: «Можно я приеду?»

Ольга отвечает: «Как хочешь, только я скоро спать ложусь».

Марьяна встает и начинает спешно собираться: засовывает левую руку в правый рукав, одновременно набрасывает на шею шарф, которым чуть сама себя не душит, вызывает дрожащей рукой такси, царапая палец о треснувшее стекло.

Все говорят: «Ты куда?», Ян вскакивает в недоумении. Марьяна говорит ему: «Прости, совершенно забыла, что у меня завтра с утра интервью, а я даже не подготовилась. Ты посиди с ребятами, не волнуйся, завтра увидимся». А сама думает: «Зачем я туда иду? Я же знаю: она меня не любит, но ведь она не отказала мне, а это уже кое-что».

Марьяна приезжает к высокому сталинскому дому на набережной. Набирает номер квартиры, звучит мелодия «К Элизе», под которую обычно в детском саду или начальной школе пляшут на отчетных концертах для родителей. В эту минуту Марьяна, конечно, уже понимает, что приехала зря. Это всегда очевидно, но не бежать же – волосы назад.

Ольга открывает дверь, завернувшись в полотенце. Марьяна закрывается в ванной, совмещенной с кладовкой, и инспектирует мусорную корзину, в которой, правда, ничего не находится. С нервно бьющимся сердцем она отправляет Юле короткое: «Это пиздец». Следом отправляет уточнение: «Ка-

жется, здесь только что был любовник».

Юля отвечает: «Тайлер мудака какой-то».

И еще потом: «Ничего, дружок, мы уедем».

Она всегда так говорит, хотя они обе знают, что никуда не уедут, особенно от себя. Ни надолго, ни навсегда. Но приятно осознавать тот факт, что можно сбежать. Даже если нельзя.

Ольга говорит:

– Ты ела? – Выглядит уставшей и недовольной.

– Ела, – врет Марьяна, принухиваясь к воздуху, как овчарка.

Ольга устало садится на диван в гостиной и приглашает Марьяну жестом сесть рядом. В ее взгляде читается только одно: ни о чем меня не спрашивай.

– Посмотрим кино? – предлагает она, чтобы разрядить обстановку.

«Чем кончилась история с парнем и Библией?» – пишет Марьяна Юле.

И еще одно: «Забери меня отсюда».

– Ну, – говорит Ольга, листая каналы так быстро, что понять что-либо нереально. – Обнимешь меня?

Марьяна разворачивается к Ольге, как тяжелый «Икарус» на узкой дороге, вся слепленная из неловкости, руки – садовый инвентарь. Тяпки или грабли. Пока она маневрирует, ее

телефон корчится возле подушки, распространяя виброволну по бархатной поверхности дивана, и она скидывает его на пол локтем.

Или, скажем, какой-нибудь вторник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.